

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ. ПОДАРОЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АЛЕКСАНДР
ПУШКИН
ПОКОЙ И ВОЛЯ

Сергей Сурин

УДК 94(47)(18)
ББК 63.3(2)521
С90

Дизайн и макет серии *Татьяны Костериной*
Дизайн переплета *Алексея Родюшкина*

В оформлении переплёта используется репродукция картины И. К. Айвазовского, И. Е. Репина
«Прощание Пушкина с морем» (1877, Всероссийский музей А.С. Пушкина)

В оформлении издания использованы рисунки Евгении Двоскиной, рисунки А.С. Пушкина,
а также изображения из фондов: The Library of Congress, Bibliothèque nationale de France, Kunsthistorisches
Museum Wien, Isabella Stewart Gardner Museum, The Royal Collection Trust Picture Library,
многих региональных музеев России.

Редакция выражает благодарность Сергею Михайловичу Некрасову за помощь в подготовке издания.

Сурин, Сергей Владимирович.

С90 Александр Пушкин: покой и воля. / Сергей Сурин. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 336 с., ил. — (Человек и время. Подарочное издание).

ISBN 978-5-17-177282-6

В настоящей книге динамичным и ироничным языком автор рассказывает о последних годах жизни поэта, начиная аудиенцией с Николаем I и заканчивая трагической дуэлью с Данте-сом. Вы узнаете о музыке, что вдохновляла Пушкина, о его занятиях разного вида физической подготовкой, о балах, которые были неотъемлемой частью жизни русского дворянства, о тонкостях поведения в высшем свете, а также о достижениях науки и техники золотого века.

Приготовьтесь к захватывающему погружению в дела давно минувших дней! Главное — не забыть бы потом вернуться в реальность!..

УДК 94(47)(18)
ББК 63.3(2)521

ISBN 978-5-17-177282-6

© С.В. Сурин, текст, 2025
© Е.Г. Двоскина, иллюстрации, 2025
© Д.А. Белюкин, иллюстрации, 2025
© Всероссийский музей А.С. Пушкина, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Интродукция

— Мир тот же? — Врач, сделав укол, ждал утвердительного ответа — это означало бы, что инъекция не вызвала изменения сознания. А мне (*вздрагнувшему от вопроса больше, чем от укола*) понравился сам вопрос...

В каком случае мир перестает быть тем же? Когда в мире происходит что-то настоящее?

«Есть ли что-нибудь на земле, что имело бы значение и могло бы даже изменить ход событий не только на земле, но и в других мирах?..» (Даниил Хармс)

Есть. Например, наш мир стал другим после того, как в нем побывал Александр Сергеевич Пушкин (*инъекция русскому миру Пушкиным*). Ведь он не только призывал милость к падшим (*хотя в жестокий век это дорогого стоит*) — Пушкин расширил возможности русского языка.

Причем настолько, что вместе с языком расширилось и сознание. И мир перестал быть прежним (*хотя многие этого не заметили*).

Оказалось, что слова из волнующихся мыслей могут возникать очень быстро и очень точно передавать даже то, что раньше было невыразимым (*невыразимое заметно сократилось в объеме*).

Да и мыслям стало как-то легче волноваться в отваге. А от этого человек мыслящий всегда ощущает себя свободнее — не есть ли это та самая внутрен-

няя свобода, о которой говорил поэт в последний год своей жизни и которая равносильна счастью?..

Хотя мы знаем, что на свете счастья нет — а есть покой и воля.

Но представляете, как был счастлив Александр Сергеевич, когда из Пскова в Москву царский фельдъегерь повез его не как арестанта, а как свободного человека!..

Раздел первый. 1826–1828

Глава 1. Течение жизни

С фельдъегерями к царю

Пушкина везет к царю фельдъегерь Иван Федорович Вальш.

Успокаивая Прасковью Осипову, поэт пишет ей из Пскова: *«Дело в том, что без фельдъегеря у нас, грешных, ничего не делается; мне также дали его для большей безопасности»*. Действительно, Александру позволено ехать в экипаже свободно (не как арестанту), и воспевавший свободу Пушкин тут же стал считать фельдъегеря своим телохранителем (*бесплатным, за счет государства*).

В те дальние годы фельдъегерь выполнял функции нынешней электронной почты — максимально быстро доставлял адресату информацию особой важности. Но мог доставить и человека (*живьем*), ведь человек — тоже информационный объект.

Иван Федорович сразу успокоил Пушкина: в тюрьму везут по-другому — так что поэт был весел и игрив. По легенде, запросив во время перекладки лошадей шей и обнаружив в тарелке уверенно плававшего среди вареной капусты таракана, Александр нацарапал в возмущении ногтем на оконном стекле крамольную эпиграмму на губернатора Адеркаса, которого перед самым отъездом посетил в Пскове. Через три недели Борис Антонович Адеркас будет назначен гражданским губернатором Воронежа, а еще через пять лет скончается там во время эпидемии холеры (*когда Пушкин будет проводить медовые месяцы в Царском Селе*).

Н. Уткин. Алекс ндр Грибоедов

Получив столь мрачный гастрономический опыт, Александр Сергеевич повел себя благородно — в суп своим персонажам тараканов (*по эстафете*) не подбрасывал. Но клопами и блохами все-таки испытывал — и можно только посочувствовать Татьяне Дмитриевне Лариной, семь суток ворочавшейся по ночам, пока повозки тащились к Москве...

*На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...*

За семь месяцев до судьбоносной поездки Пушкина с Вальшем другой фельдъегерь — Уклонский — вез в другую столицу другого Александра Сергеевича, чтобы точно так же доставить его поближе к его императорскому величеству. Только в той поездке никакой свободы Грибоедову не полагалось — автора популярной ненапечатанной комедии везли именно как арестанта. Впрочем, Грибоедов применил верную стратегию коммуникативного сближения во время первых дорожных бесед (*недаром на Кавказе автор «Горя от ума» занимался бизнесом*): кормил и поил Уклонского из своих запасов¹. Наевшегося и напившегося Уклонского Грибоедов расспрашивал о ситуации с арестованными в Петропавловской крепости — и Уклонский не уклонялся. И настолько сблизился с арестантом, что в Москве, отправившись объезжать своих родственников, оставил Грибоедова под честное слово с лучшим другом литератора, Степаном Бегичевым.

Ну а в случае с молодым Александром Сергеевичем никаких остановок и отклонений на пути из Михайловского в Москву не было. Скорость передачи поэта царю была рекордная: выехав из Пскова вечером 4 сентября, 8-го утром Пушкин был уже в московской канцелярии дежурного генерала, а в четыре часа пополудни уставшего, голодного, помятого поэта в неопрятном, потном дорожном костюме доставили в комнаты императора в Чудовом (Малом Николаевском) дворце (*именно там находилась московская резиденция императорской семьи до строительства Большого Кремлевского дворца*). Как через шесть лет признается поэт — в дороге русский чело-

¹ До Воронежа во всех трактирах давали традиционные щи с нервно пытавшимися выплыть из супа тараканами. — Здесь и далее — примеч. авт.

век не переодевается и до места доезжает свинья свиньей. Спасает баня, но тут времени на баню не было — император сам торопил, так что придется ему потерпеть дорожный запах дворянина...

С глазу на глаз с царем

8 сентября 1826 года Пушкин был принят императором. Аудиенция длилась час².

Достоверно известен знаменитый провокационный вопрос царя во время аудиенции: «Что сделал бы ты, если бы 14 декабря был в Петербурге?» Скорее всего, молодой царь ожидал, что поэт ответит подобострастно: «Немедля бросился бы защищать Ваше Императорское Величество — и расстрелял бы государственных преступников из всех доступных мне видов оружия!..» Вместо этого последовало неожиданно чистосердечное: «Встал бы в ряды мятежников».

Царь был удивлен и предложил поэту изменить образ мыслей (*что, вообще говоря, непросто — в общем случае для изменения образа мыслей требуется пересадка мозга с прилагающимися к нему новыми требуемыми мыслями*).

Если бы Александр Сергеевич встал в гордую позу «тираны мира, трепещите!» — то в лучшем случае поехал бы обратно в Михайловское под надзор. Михайловское, — конечно, не Нерчинские рудники, каждый день спускаться в шахту на глубину 150 метров не нужно, но все-таки это уверенная глушь (*без интернета и мобильной связи вы отрезаны от мира*). Немногословное общение с крепостными, с волками, медведями да зайцами, и в качестве бонуса — вечерний сказочный сериал Арины Родионовны. Но Пушкин хотел быть профессиональным литератором. А это означало — быть модным. Быть на виду, на слуху, на языке у читающей части российского общества, мелькать в салонах, вальсировать на балах — только тогда книги будут продаваться в достаточном объеме, обеспечивая жизнь человека, любящего хорошее шампанское...

Е. Ботман. Портрет Николая I

² У обоих Александров Сергеевичей было по две официальные аудиенции с царем; но если неофициально Грибоедов общался с Николаем Павловичем только один раз — еще когда он императором не был, — то Пушкин разговаривал с Николаем I и в Царском Сельском парке, и особенно часто — на балах.

³ Строчка из монолога Гамлета Уильяма Шекспира в переводе Бориса Пастернака.

Шел один из ключевых эпизодов, «гамлетовский» момент в жизни поэта — Александр был на авансцене судьбы, на главном жизненном перепутье (*...так всех нас в трусов превращает мысль, и вянет, как цветок, решимость наша...³*). Соглашаясь на сделку с переключением мозга (*предполагавшую хорошие продажи книг*), Пушкин должен будет угождать человеку, который только что повесил и отправил на каторгу его друзей. Придется одновременно быть и волной, и частицей — то есть окончательно встать на квантовый путь существования.

После некоторого раздумья Пушкин пообещал сделаться иным — согласился изменить образ мыслей.

Выбор сделан.

Император доволен ответом. По бартеру — отменил ссылку, разрешил проживать в Москве. И пообещал ослабить прессинг цензуры — тем, что сам теперь будет пушкинским цензором. По ходу разговора Александр все больше расслаблялся, чувствуя себя с каждым разрешением свободнее, что не очень-то нравилось императору (*свобода должна быть нормирована и выдаваться под расписку порциями исключительно благонадежным гражданам*).

Тем не менее, выйдя из кабинета, царь, обращаясь к придворным, объявил: «Теперь он мой!» А до этого, на выходе из зала, он и потного поэта, поморщившись, приобнял: «Ну, теперь ты не прежний Пушкин, а мой Пушкин!»⁴

Почему же царь на шестой день после коронации и через месяц после казни пятерых участников восстания на Сенатской площади (*впервые за последние 86 лет — в июле 1740 года был обезглавлен Артемий Вольнский — в России были публично казнены дворяне, главный оплот самодержавия*) отложил все дела в сторону и занялся вопросом вызова опального поэта из ссылки? Заподозрить нового императора в любви к поэзии вряд ли было возможно, — значит, дело в другом. Возможно, Николаю I нужен был противовес жестким консервативным мерам управления, своего рода козырь (*джокер*) для балансировки.

Пусть знают: одной рукой я могу казнить и сослать на каторгу, другой — дружить с вольнолюбивым поэтом, написавшим про тиранов мира и обломки самовластия (*получается, у императора тоже квантовый стиль существования*).

⁴ Жена Семена Семеновича Горбункова говорила в подобном случае: «Завербовали...»

В. Перов. Восстание декабристов на Сенатской площади

В московских лучах славы — светло, тепло, но суетно

*Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!..*

Е. Вивьен де Шатобрен. В.Л. Пушкин

После удивительного разговора с царем Александр оставляет вещи в гостинице «Европа» на Тверской — там он будет принимать гостей в татарском серебристом халате, с голой грудью, при полном отсутствии комфорта в номере — так и жил бы поэт, если бы не женился, — точь-в-точь как холостой Бетховен:

«...Книги и ноты р зброс ны по всем угл м, т к же к к и ост тки холодной пищи, з печ - т нные или н половину осушенные бутылки; н конторке беглый н бросок нового кв ртет , и здесь же ост тки з втр к ; н рояле, н испещренных к р кулями лист х, м тери л к великолепной, еще дремлющей в з родыше симфонии... Поиски вещей длились неделями». (Игн ц Кс вер фон З йфрид, встрийский композитор и дирижер)

Оставив вещи, тотчас помчался к любимому дядюшке (*который, кстати, должен ему 100 рублей*) на Старую Басманную. Сергей Соболевский, узнав, что Пушкин в Москве (*обратите внимание — насколько быстро, практически со скоростью звука, распространялась информация в столицах в пушкинскую эпоху без интернета и мобильной связи*), и сделав верное умозаключение, приезжает на Старую Басманную, где и застаёт Пушкина за ужином с Василием Львовичем. Оторвавшись от котлет (*а поэт и не помнил, когда ел в последний раз, — в Кремлевский буфет его не пригласили*), Пушкин тут же поручает Соболевскому передать Толстому-Американцу вызов на дуэль (*которую в итоге удалось предотвратить*).

На следующий день, уже в доме Соболевского, Пушкин полез в карман, откуда тут же выпал листок со стихотворением о повешенных декабристах. Эта бумага случайно осталась несожженной в ночь с 3 на 4 сентября в Михайловском и чудом не выпала на-

кануне в кабинете царя, когда поэт, согласившись на изменение образа мыслей, вполне мог полезть в карман за носовым платком, чтобы вытереть пот со лба...

Судьба создателя Онегина хранила *(до требуемой поры)*.

Выпив шампанского, решили вторую главу «Онегина» издавать в Москве. А завтра — там же, у Соболевского, Пушкин впервые в тесном кругу читает неотцензурированного «Бориса Годунова»⁵... и мечтает издать литературный журнал, который бы противостоял «Северной пчеле» Фаддея Булгарина и «Московскому телеграфу» Николая Полевого. Через 10 лет мечта осуществится, но счастлив, издавая «Современник», Пушкин не будет — уж больно это дело хлопотное, нервное и не особо прибыльное...

Пушкин знакомится с Погодиным и Полевым, оба — представители податного, недворянского сословия, что в итоге приведет Николая Полевого к серьезной конфронтации с Пушкиным, Вяземским и Боратынским. И, конечно же, Александр Сергеевич заскакивает с Дмитрием Веневитиновым⁶ в «Яр» — только что открывшийся ресторан французской кухни на Кузнецком мосту.

*Долго ль мне в тоске голодной
пост невольный соблюдать
и телятиной холодной
трюфли Яра поминать?*

Впервые в жизни Пушкин посетил московский Большой театр *(он больше двух лет не был в театре)* — шла комедия Шаховского «Аристофан», но все бинокли были направлены на человека месяца *(среди прочих это были бинокли сестер Ушаковых)* — на молодого поэта, написавшего популярные романтические поэмы, красивые и вольнолюбивые стихотворения и издавшего первую главу удивительного романа в стихах, — прежним императором отправленного в ссылку, а новым — вдруг непонятно с чего обласканного!

⁵ Кроме хозяина, тексту удивлялись: Дмитрий Веневитинов, Петр Чаадаев, Михаил Виельгорский и Иван Киреевский.

⁶ Своим дальним родственником — в его доме состоит второе чтение «Бориса Годунова»

Ресторан «Яр» на Петербургском шоссе до перестройки. 1898–1900

